

ИНСТИТУТ СОУЧАСТИЯ В СВЕТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕКСТОЛОГИИ

Ситникова Александра Ивановна

*доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного университета
Курск, Россия
E-mail: orcrimpravo@yandtx.ru*

В статье предпринята попытка рассмотреть институт соучастия с новых позиций, основанных на положениях законодательной текстологии. С позиций данного подхода при исследовании уголовно-правовых предписаний главы 7 УК РФ выявлена двухуровневая структура нормативного текста института соучастия: поверхностный (конструктивный) и глубинный (концептуальный) уровни. В качестве концептуальной основы конструирования уголовно-правовых предписаний главы 7 УК РФ законодатель использовал теоретические положения двух концепций: концепцию акцессорной природы соучастия и индивидуальной ответственности соучастников преступления. Анализ конструктивного уровня позволил выявить элементы уголовно-правовых предписаний института соучастия, а также дал возможность по-новому интерпретировать нормативный текст.

Ключевые слова: институт соучастия, законодательно-текстологический подход, двухуровневая структура нормативного текста, ответственность соучастников преступления.

THE INSTITUTE OF COMPLICITY IN LIGHT LEGISLATIVE TEXTOLOGY

Alexandra I. Sitnikova

*Doctor of Law Sciences,
Professor of the Department of Criminal Law,
Southwest State University
Kursk, Russia
E-mail: orcrimpravo@yandtx.ru*

The article attempts to consider the institution of complicity from new positions based on the provisions of legislative textual theory. From the standpoint of this approach, when studying the criminal law prescriptions of Chapter 7 of the Criminal Code of the Russian Federation, a two-level structure of the normative text of the institute of complicity was revealed: superficial (constructive) and deep (conceptual) levels. As a conceptual basis for the construction of the criminal law prescriptions of Chapter 7 of the Criminal Code of the Russian Federation, the legislator used the theoretical provisions of two concepts: the concept of the accessory nature of complicity and the individual responsibility of the accomplices of the crime. The analysis of the constructive level made it possible to identify elements of the criminal law prescriptions of the institute of complicity, and also made it possible to interpret the normative text in a new way.

Keywords: the institute of complicity, the legislative-textual approach, the two-level structure of the normative text, the responsibility of the participants of the crime.

Введение

Актуальность законодательно-текстологического исследования уголовно-правовых предписаний института соучастия обусловлена наличием ряда аспектов соучастия в преступлении, которые остаются дискуссионными, не имеют однозначных решений, представляют сложность в теории и правоприменительной практике, поскольку институт соучастия аккумулирует в себе достоинства и недостатки концептуальных положений, образующих данный институт.

Предметом исследования выступает многоуровневая организация нормативного текста уголовно-правовых предписаний института соучастия в преступлении, которая включает в себя два уровня: поверхностный (конструктивный) и глубинный (концептуальный) уровни.

Целью исследования является реализация возможностей текстологического подхода к конструированию уголовно-правовых предписаний, а также обеспечение их законодательно-текстологической интерпретации.

Методологической основой настоящего исследования являются такие методы познания, как дискурсивный, текстоцентрический. Дискурсивный метод даёт возможность рассмотреть уголовно-правовые предписания главы 7 УК РФ как совокупность уголовно-правовых (нормативных и научных) текстов. Текстологический подход позволяет выделить признаки, характеризующие структурные особенности текстов уголовно-правовых предписаний.

В качестве задач исследования выступают проблемные ситуации, требующие разрешения, в том числе законодательно-текстологическое описание конструктивных особенностей нормативного текста о соучастии и разработка предложений по совершенствованию уголовно-правовых предписаний главы 7 УК РФ.

Научная новизна заключается в том, что в данной статье показан законодательно-текстологический подход к исследованию уголовно-правовых предписаний института соучастия, то есть представлена совокупность методов и теоретических положений, пригодных для конструирования и интерпретации нормативного текста о соучастии.

Основные результаты и выводы. 1. Институт соучастия в преступлении рассмотрен с законодательно-текстологических позиций, в результате чего выявлена двухуровневая организация нормативного текста. 2. В качестве концептуальной основы законодатель использовал теоретические положения комбинированной ответственности соучастников. 3. Анализ конструктивных особенностей предписаний о соучастии обусловил необходимость внесения предложений по изменению уголовно-правовых предписаний института соучастия.

Результаты и обсуждение

Применение уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за соучастие в преступлении, вызывает на практике определённые трудности, так как используемые приёмы толкования не дают возможности выявить глубинный (концептуальный) уровень законодательных предписаний. В настоящей статье институт соучастия в преступлении рассмотрен с законодательно-текстологических позиций, дающих возможность интерпретировать нормы о соучастии в соответствии с законодательной интенцией.

Законодательно-текстологический подход к исследованию уголовно-правовых предписаний позволяет выделить двухуровневую структуру законодательного текста: поверхностный (конструктивный) и глубинный (концептуальный) уровни. При этом необходимо отметить, что оба уровня уголовно-правовых предписаний тесно взаимосвязаны друг с другом: концептуальный уровень аккумулирует доктринальные положения, лежащие в основе законодательного текста, а поверхностный (конструктивный) уровень представлен набором элементов, образующих уголовно-правовое предписание.

Концептуальный уровень нормативного текста. В качестве концептуальной основы уголовно-правовых предписаний института соучастия законодатель использовал теоретические положения комбинированной ответственности соучастников. Составными элементами комбинированной ответственности являются теоретические положения двух концепций: 1)

аксессуарной природы соучастия; 2) индивидуальной ответственности соучастников. Впервые закрепление аксессуарности соучастия было осуществлено законодателем в Уголовном кодексе Франции 1791 г. Дальнейшее развитие законодательные новеллы об аксессуарной ответственности соучастников нашли отражение в кодексе Наполеона 1810 г. [10]. В немецкой уголовно-правовой доктрине концепция аксессуарной ответственности фигурирует как общая теория соучастия [9], а в отечественной доктрине классического направления (представители Н. С. Таганцев, А. Жиряев, А. Кистяковский, А. Лохвицкий и другие классики) эта концепция представлена в качестве солидарной ответственности, в соответствии с которой профессор Н. С. Таганцев писал: «На этой общности вины покоится солидарная ответственность, каждого за всех и всех за каждого» [7, с. 338 и далее].

Согласно концепции аксессуарной ответственности исполнитель признаётся главным соучастником, так как без исполнителя соучастие как таковое отсутствует. При таком подходе ответственность соучастников напрямую зависит от вида преступления, совершённого исполнителем в рамках общего преступного умысла.

Концепция индивидуальной ответственности соучастников разработана на основе положений о привлечении соучастников за лично совершённые преступные деяния в рамках общего преступного умысла [8, с. 172-173] и в соответствии с предписанием, сформулированным в ч. 1 ст. 34 УК РФ, зависит от характера и степени участия в совместно совершённом преступлении.

В современной уголовно-правовой литературе высказываются критические взгляды в отношении аксессуарной природы соучастия. Так, Л. Д. Гаухман критикует позицию законодателя за фактическое отождествление ответственности соучастников с ответственностью исполнителя [1, с. 226]. Л. Д. Ермакова отрицает аксессуарность соучастия для устранения зависимости ответственности соучастников от совершённого исполнителем вида преступления [2, с. 19]. Негативное отношение к аксессуарности соучастия указанный автор связывает с тем, что использование законодателем аксессуарной концепции соучастия минимально, поскольку большая часть уголовно-правовых предписаний сформулирована на концептуальных основах самостоятельной природы ответственности за преступления, совершённые в соучастии [2, с. 23]. Авторы учебных курсов по уголовному праву вполне обоснованно признают, что совершение групповых преступлений не вписывается в теорию аксессуарности [3, с. 431; 4, с. 296].

Сторонники индивидуальной ответственности соучастников считают бесспорным тот факт, что ответственность каждого соучастника имеет самостоятельный и строго индивидуальный характер [5, с. 300; 6, с. 170-171]. Правоприменительная практика подтверждает теоретическое положение о необходимости сугубо индивидуальной ответственности соучастников, так как мотивы криминальных действий организаторов, подстрекателей и пособников в большинстве случаев не совпадают с преступными мотивами исполнителей. К тому же объективная сторона их действий либо бездействия существенно отличается от преступного деяния, совершаемого исполнителем, так как эти лица выполняют функции организатора, подстрекателя или пособника, а исполнитель непосредственно реализует общий преступный умысел. В тех случаях, когда лицо совершает преступление посредством лиц, не подлежащих уголовной ответственности, соучастие как таковое отсутствует, и к уголовной ответственности в качестве посредственного исполнителя привлекается лицо, обладающее признаками надлежащего субъекта.

Концептуальный (глубинный) уровень аксессуарной ответственности соучастников достаточно наглядно проявляется в части 5 ст. 34 УК РФ. Данное предписание гласит: «в случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление». Концептуальные положения об индивидуальной ответственности соучастников в развёрнутом виде закреплены в ч. 1 ст. 34 УК РФ. Кроме того, принцип индивидуальной ответственности законодатель подтвердил и в ч. 1 ст. 67 УК

РФ, в которой признал необходимым назначать наказание с учётом характера и степени фактического участия каждого соучастника в совершении преступного деяния.

Поверхностный (конструктивный) уровень. Законодательно-текстологический подход позволяет рассмотреть конструктивный уровень предписаний о соучастии в преступлении с новых позиций. Законодательно-текстологический анализ показывает следующее:

1. В ст. 32 УК РФ сформулирована дефиниция соучастия, конструктивными признаками которой являются тематический компонент – «соучастие в преступлении» и дескриптивные признаки, раскрывающие понятие соучастия: субъективный признак, характеризующий умышленную форму вины при совместном совершении умышленного преступления, и количественный признак – «участие двух и более лиц». Однако количественный признак не содержит указания на возможность признания соучастниками только лиц, обладающих признаками субъекта преступления, несмотря на то, что среди индивидов, участвующих в совершении противозаконного деяния, могут находиться лица, не подлежащие уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости и других обстоятельств. В этой связи, на наш взгляд, следует внести уточнение в количественный признак соучастия, такой как «участие двух и более лиц, подлежащих уголовной ответственности». При этом ст. 32 УК РФ желательно дополнить примечанием, согласно которому соучастие отсутствует при наличии в группе лиц, не подлежащих уголовной ответственности.

2. В ст. 34 УК РФ законодатель закрепил несколько предписаний, включив их в статью под названием «Ответственность соучастников преступления». Законодательно-текстологический подход позволяет отметить следующие нюансы данных предписаний:

- во-первых, в ч. 1 ст. 34 УК РФ сформулировано законоположение об индивидуальной ответственности соучастников. Указанное предписание выражает устремление законодателя представить новеллу от ответственности соучастников, соответствующую смысловой и интегративной функциям заголовка ст. 34 УК РФ «Ответственность соучастников преступления»;
- во-вторых, в ч. 2, 3 ст. 34 УК РФ законодатель фактически описал правила оформления квалификационной записи действий соисполнителей, организаторов, подстрекателей и пособников путем указания, по каким статьям Общей и Особенной частей Кодекса отвечают указанные лица;
- в-третьих, предписания ч. 4 ст. 34 УК РФ признают возможность привлечения общего субъекта, участвующего в совместном совершении умышленного преступления со специальным субъектом, организатором, подстрекателем или пособником в зависимости от выполняемой им роли;
- в-четвёртых, в ч. 5 ст. 34 УК РФ законодатель соединил два предписания: первое предусматривает уголовную ответственность организатора, подстрекателя или пособника за приготовление или покушение при недоведении исполнителем преступления до конца в силу не зависящих от него обстоятельств; второе предписание содержит новеллу об ответственности подстрекателя, которому не удалось склонить других лиц к совершению преступления. С позиций законодательной текстологии законодатель применил неоправданный технический прием, так как указанные предписания требуют дифференциации, поскольку вынужденное недоведение исполнителем преступления до конца существенно отличается от неудавшегося подстрекательства.

3. Статью 35 УК РФ законодатель озаглавил как «Совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)». Теоретические положения законодательной текстологии дают возможность выявить отступление законодателя от конструирования качественного нормативного текста. О неудачном объединении нескольких предписаний в ст. 35 УК РФ свидетельствует объединение в рамках одной статьи разных по степени общественной опасности групповых преступлений:

- 1) части 1, 2, 3, 4 данной статьи фактически содержат предписания о соучастии, в которых сформулированы новеллы о формах соучастия, известных доктрине отечественного уголовного права;
- 2) в части 5 данной статьи сформулированы два предписания об уголовной ответственности: во-первых, организатора и руководителя, организовавших и (или) руководивших преступными действиями, предусмотренными ст. 205.4, 208, 209, 210, 282.11 УК РФ, а также совершивших преступление в рамках общего преступного умысла; во-вторых, других участников организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) за преступления, составы которых обрисованы в ст. 205.4, 208, 209, 210, 282.1 УК РФ, а также за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали;
- 3) часть 6 ст. 35 УК РФ предусматривает привлечение к уголовной ответственности организатора за создание организованной группы в случаях, не заявленных статьями Особенной части уголовного закона, в виде приготовления к совершению организованной группой преступного деяния;
- 4) в части 7 ст. 35 УК РФ вполне справедливо сформулировано предписание о назначении более строгого наказания лицам, совершившим преступление организованно-групповыми способами.

На наш взгляд, уголовно-правовые предписания, содержащиеся в ч. 5, 6, 7 ст. 35 УК РФ, необходимо переместить в другие статьи: в частности, части 5 и 6 данной статьи по содержанию нормативных установлений необходимо включить в ст. 34 УК РФ, содержание которой посвящено уголовной ответственности соучастников преступления, а ч. 7 ст. 35 УК РФ – в ст. 67 УК РФ «Назначение наказания за преступление, совершённое в соучастии».

4. Норма об эксцессе исполнителя преступления сформулирована в ст. 36 УК РФ. Данная статья содержит два недифференцированных предписания: о понятии эксцесса и об исключении уголовной ответственности соучастников в случае совершения эксцессивных действий исполнителем. Следует отметить, что законодательная формула эксцесса исполнителя не в полной мере отражает достижения отечественной доктрины уголовного права, содержащие теоретические положения об эксцессе и его дифференциации на качественный и количественный виды. В этой связи представляется необходимым ввести в формулу эксцесса деление на виды и сформулировать понятие эксцесса следующим образом:

Эксцессом исполнителя преступления признаётся выход исполнителя за рамки общего преступного умысла, то есть совершение им качественно иного или более тяжкого преступления [6, с. 179].

5. Институт соучастия, содержащийся в главе 7 УК РФ, не может быть признан полным без рассмотрения норм о правовых последствиях добровольного отказа соучастников от доведения преступления до конца исполнителем. Уголовно-правовое предписание об этом содержится в ч. 4 ст. 31 УК РФ «Неоконченное преступление».

В ч. 4 ст. 31 УК РФ законодатель закрепил правовые последствия добровольного отказа организатора, подстрекателя и пособника в виде исключения возможности их привлечения к уголовной ответственности. В отношении организатора и подстрекателя указаны конкретные действия, необходимые для предотвращения совершения исполнителем преступления до конца, в том числе своевременное сообщение органам власти о готовящемся преступлении либо принятие иных мер по пресечению преступных действий исполнителем. Для пособника законодатель сформулировал привилегированное законоположение, которое позволяет не привлекать его к уголовной ответственности за предпринятие всех зависящих от него мер.

Новелла, содержащаяся в ч. 5 ст. 31 УК РФ, фактически является обстоятельством, смягчающим наказание организатора и подстрекателя, если их действия не привели к предотвращению совершения преступления исполнителем.

Авторский взгляд на добровольный отказ соучастников. Ранее нами был предложен проект статьи о правовых последствиях добровольного отказа соучастников от преступления [6, с. 179-180].

Законодательно-текстологическая интерпретация предлагаемых новелл позволяет сделать следующие выводы:

- 1) в части первой предлагаемой статьи уточнены условия исключения уголовной ответственности исполнителя при наличии у него доброй воли прекратить совершение преступления;
- 2) часть вторая статьи предписывает привлечение других соучастников к уголовной ответственности за покушение на преступление, от доведения которого добровольно отказался исполнитель. В основу квалификации действий соучастников в качестве покушения на преступление использованы следующие законодательные и теоретические разработки: во-первых, законодатель обязывает дать уголовно-правовую оценку действий соучастников на основе учёта характера и степени фактического участия каждого из них в совершении преступления; во-вторых, действия соучастников при добровольном отказе исполнителя носят окончанный характер, так как организатор совершил действия, указанные в ст. 33 УК РФ, подстрекатель совершил действия, необходимые для того, чтобы вызвать решимость у исполнителя совершить преступление, пособник заверил исполнителя в оказании необходимой помощи для совершения и завершения преступления, но общий умысел не был реализован лишь в силу добровольного отказа исполнителя; в-третьих, согласно классической теории покушения окончанные преступные действия при отсутствии замышляемого преступного результата следует квалифицировать как окончанное покушение;
- 3) часть третья предлагаемой статьи формулирует для всех соучастников равный характер совершаемых действий, свидетельствующих об их добровольном отказе от совершения преступления. При этом изъято закреплённое законодателем привилегированное положение пособника, действия которого направлены на пресечение преступления исполнителем;
- 4) в части четвёртой проекта сформулировано положение о привлечении исполнителя к уголовной ответственности в случае добровольного отказа от преступления других соучастников. При квалификации действий исполнителя учитывается степень завершённости преступления;
- 5) часть пятая предлагаемой статьи предоставляет право правоприменителю признать предпринятые меры для пресечения преступления исполнителем как смягчающее обстоятельство для соучастников.

Обращает на себя внимание, что нормативное предписание, сформулированное законодателем в ч. 4 ст. 31 УК РФ, нарушает структурную организацию уголовно-правовых предписаний главы 6 «Неоконченное преступление» и главы 7 «Соучастие в преступлении», поскольку предписание об особенностях ответственности организатора, подстрекателя и пособника в случае прекращения преступных действий по своей доброй воле является нецелесообразным. Ранее сотрудники ИГПАН СССР, разработавшие Теоретическую модель УК РФ в 1987 г., признали необходимым дополнить институт соучастия предписаниями о добровольном отказе соучастников. Однако в 1996 г. законодатель не воспринял данную разработку, что привело к нарушению структурных связей в рамках обоих институтов, минимизации нормативно-текстового единства предписаний и целевой заданности профилактического потенциала норм о добровольном отказе соучастников.

Заключение и выводы

В заключение необходимо отметить, что в качестве основы конструирования уголовно-правовых предписаний института соучастия законодатель использовал теоретические положения двух концепций: об аксессуарной природе соучастия и индивидуальной ответственности соучастников. Анализ конструктивного уровня предписаний главы 7 УК РФ дал возможность сформулировать выводные положения, реализация которых позволит улучшить качество уголовно-правовых предписаний о соучастии в преступлении. О практической значимости представленной статьи свидетельствуют высказанные предложения, направленные на улучшение качества нормативного текста о соучастии, в частности, о внесении уточнения в

количественный признак соучастия путём указания на возможность признания соучастниками только лиц, обладающих признаками субъекта преступления; об изменении дефиниции эксцесса за счёт введения в формулу двух видов эксцесса: качественного и количественного; о необходимости введения в институт соучастия норм о правовых последствиях добровольного отказа соучастников при недоведении исполнителем преступления до конца. В качестве перспективного направления дальнейшего исследования нормативного текста института соучастия является дальнейшая разработка теоретических положений института соучастия в преступлении с позиций законодательной текстологии.

Список литературы

1. Гаухман, Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л. Д. Гаухман. – Москва : Центр Юриформ, 2001. – 316 с. – Текст : непосредственный.
2. Ермакова, Л. Д. Понятие соучастия / Л. Д. Ермакова. – Текст : непосредственный // Энциклопедия уголовного права : в 32 томах. Том 6: Соучастие в преступлении. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 3–122.
3. Курс уголовного права. Общая часть : в 5 томах. Том 1: Учение о преступлении / под редакцией Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – Москва : Зерцало, 1999. – 592 с. – Текст : непосредственный.
4. Уголовное право России. Общая часть / под редакцией А. И. Рарога. – Москва : Эксмо, 2009. – 496 с. – Текст : непосредственный.
5. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А. В. Наумов. – Москва : Бек, 1996. – 560 с. – Текст : непосредственный.
6. Ситникова, А. И. Уголовно-правовая текстология : монография / А. И. Ситникова. – Москва : Проспект, 2016. – 304 с. – Текст : непосредственный.
7. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Общая часть : в 2 томах / Н. С. Таганцев. – Москва : Наука, 1994. – Т. 1. – 393 с. – Текст : непосредственный.
8. Трайнин, А. Н. Учение о соучастии / А. Н. Трайнин. – Москва : НКЮ СССР, 1941. – 160 с. – Текст : непосредственный.
9. Muller, C. F. Strafrecht. Allgemeiner Teil. Die Straftat und ihr Aufbau / C. F. Muller. – 38 Auflage. – Heidelberg : C.F. Muller Verlag, 2008 – 386 s.
10. Code Penal. – Paris : DE L' IMPRIMERIE IMPERIALE, 1810. – 300 p.